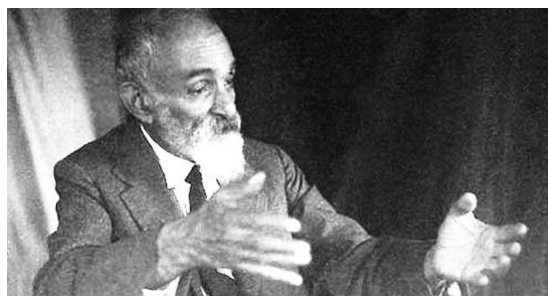


От Шестова к Камю: Бенжамен Фондан и Рахиль Беспалова



Эпиграф

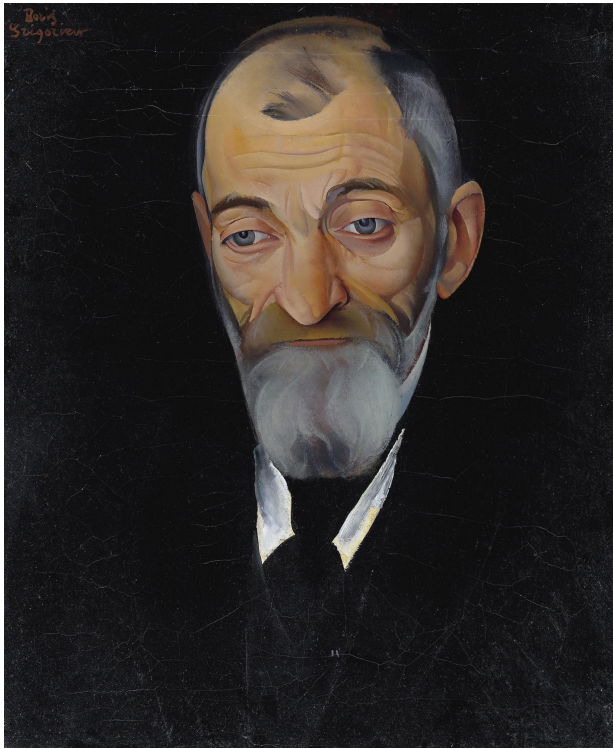
Заниматься философией... значит терять Смысл.

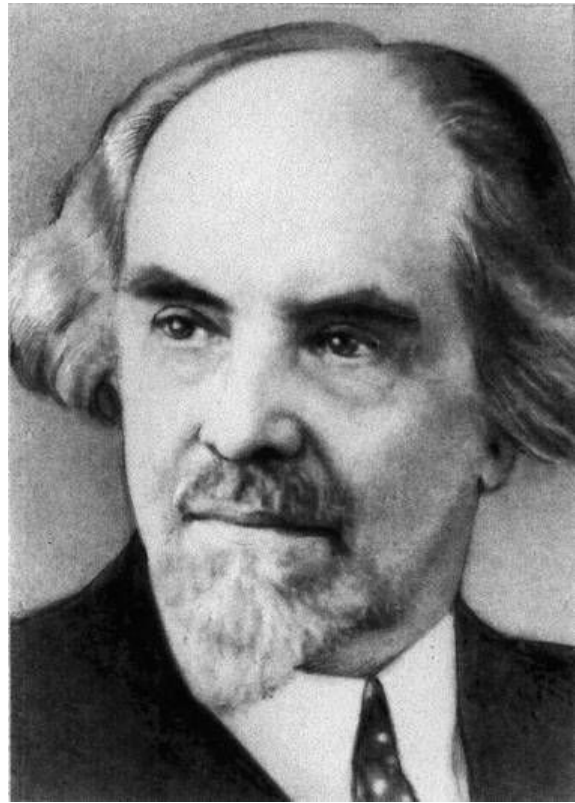
Exercer l'activité philosophique... c'est perdre le Sens.

Rachel Bespaloff



„В то время, когда русская интеллигенция в преобладающем большинстве была под влиянием, охватившим всех, материалистической интерпретации жизни, «Апофеоз беспочвенности» произвел впечатление разорвавшейся бомбы в русской литературе. Легкомысленные молодые люди грозили своим родителям: «Буду развратничать и читать Шестова».“





Бердяев о Шестове

«...богата и пространна лишь его отрицательная философия, его положительная философия бедна и коротка, она могла бы вместиться на полстранице»

Бердяев о Шестове

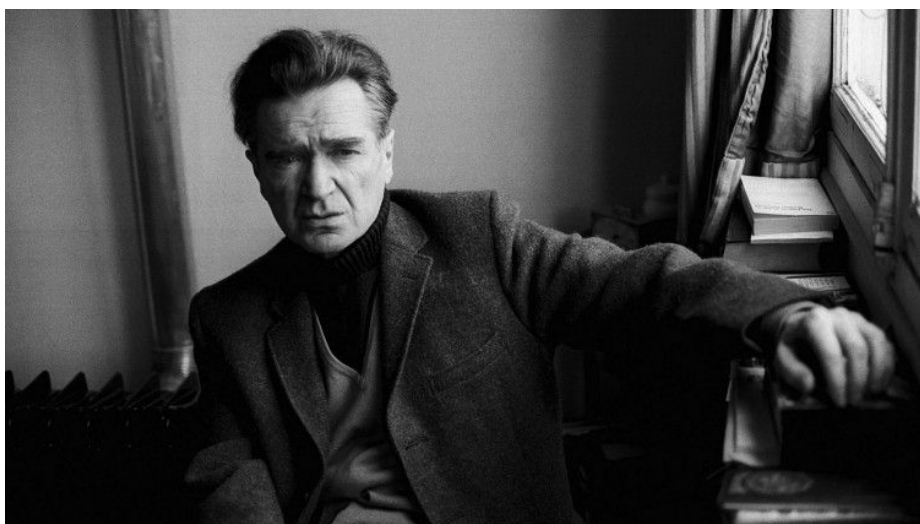
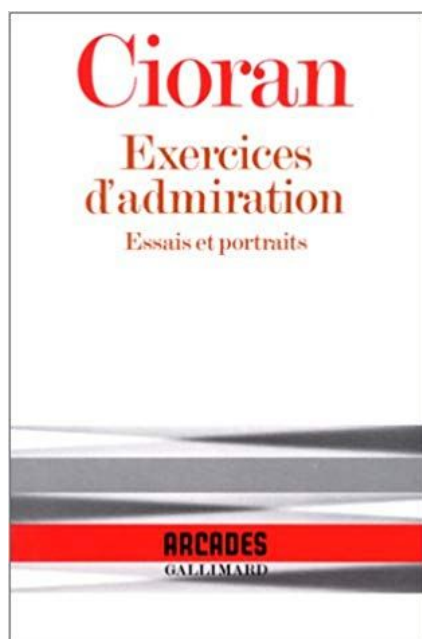
... то, чего он хочет, не может быть выражено в мысли и слове, это чистая апофатика. Но вместе с тем он остается на территории мышления и разума.

... мысль Л. Шестова носит особенно трагический характер потому, что Бог, для которого все возможно, который выше всякой необходимости и всех общеобязательных истин, остается условной гипотезой.

Евгения Герцык

«Этот такой чистый человек нес на совести сложную, не вполне обычную ответственность, от которой может быть игнулись его плечи, и глубокие морщины так рано состарили его...»

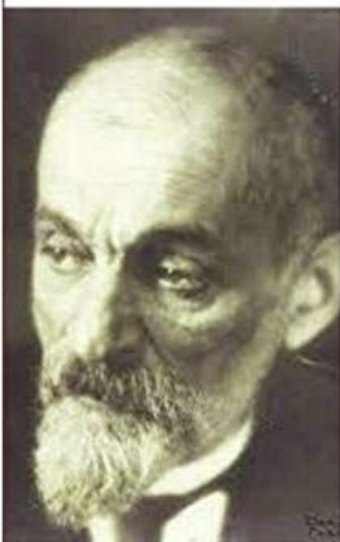
Эмиль Чоран, 1911 - 1995



Benjamin Fondane (1898 - 1944)



**Rencontres
avec Léon Chestov**



**Benjamin
Fondane**

Textes établis
par Nathalie
Baranoff et
Michel Carassou

NON LIEU

Чоран о Фондане

«Поиск был для Фондана не просто потребностью или страстью - беспрестанный поиск был для него судьбой, его судьбой, которая сказывалась во всем вплоть до манеры говорить, особенно когда он горячился или разрывался между иронией и удушьем. Сколько раз я потом упрекал себя за то, что не записывал его монологов, находок, бросков его мысли, немедленно обраставшей всевозможными ответвлениями и на каждом шагу сражавшейся с тиранией и ничтожеством очевидностей, ненасытной в погоне за противоречиями и опасующейся любых *итогов*.»



Фондан, из “посмертных записей”

Правда в том, что ни одна жертва никогда не была утешена – и что это мы сами утешаем себя за нее. Нет ничего более оскорбительного для памяти всех замученных историей, чем зрелище наших философических утешений.

La vérité est que jamais victime n'a été consolée - et que c'est nous qui nous consolons pour elle. Il ne peut y avoir de pire injure à la mémoire de tous les suppliciés de l'histoire, que le spectacle de nos consolations philosophiques.

Fondane et Lina (et Geneviève?)















Benjamin FONDANE

(Jassy, 1898-Auschwitz, 1944)

poète et philosophe français, habita dans cette maison
du 15 avril 1932 au 7 mars 1944.

*"souvenez-vous seulement que j'étais innocent
et que, tout comme vous, mortels de ce jour-là,
j'avais eu, moi aussi, un visage marqué
par la colère, par la pitié et la joie,
un visage d'homme tout simplement!"*



Rachel Bepaloff (1895 - 1949)



Рахиль Беспалова о Шестове

«Я пришла к нему с моим отцом. Из разговора я запомнила только две или три фразы Льва Исааковича. Уже тогда его речь пробудила во мне нечто, что уже не смогло заснуть...»

Рахиль Беспалова, “Шестов пред лицом Ницше”

«Я теряю почву под ногами, я задыхаюсь, волна сбивает меня, я тону. А Шестов с берега мне приказывает: „Шествуй по водам, *ты это можешь*“. Если б дошел до меня этот призыв – до меня, тонущей, – он показался бы мне насмешкой. Только тот имеет право требовать невозможного, кто сам „шествует по водам“, кто и мне дает на это силы. Но Шестов остается на берегу, отказывается осуществить свое пророческое призвание. Он цепляется за философию, за то, что может быть помыслено, высказано...»

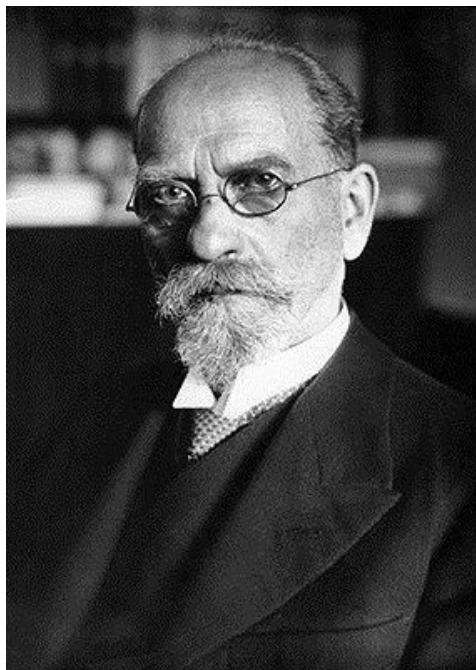
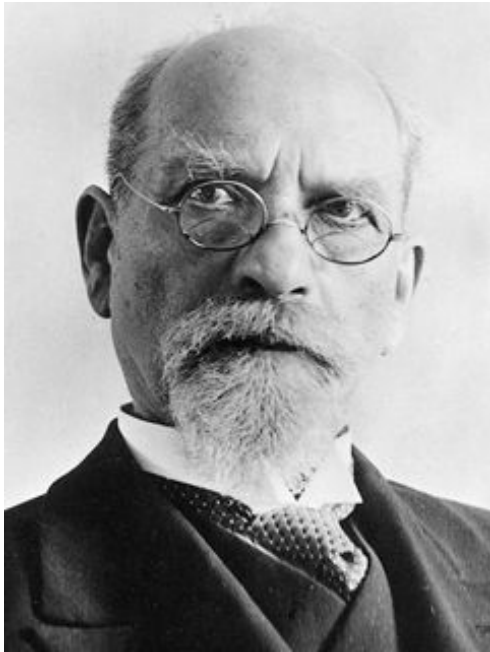
ШЕСТОВ

Moi, *rester sur la rive! regarder* ! quand on se noie ! moi, *ordonner!* et dire encore : tu peux ! Comme si tout le problème n'était pas là justement ! Je ne peux pas, tout le monde sait que je ne peux pas, moi-même je ne le sais que trop ! et cependant, *peut-être* que je peux tout de même? peut-être m'a-t-on trompé là-dessus, peut être bien *qu'en essayant...* ? Mais essayer c'est déjà suspendre l'éthique, la raison, c'est déjà la tragédie... Si elle avait dit encore que j'accourais quand on se noyait, que j'essayais *d'aider* le malheureux, au lieu de le consoler seulement en lui disant: il n'y a rien à faire devant la nécessité !

«Человек вкусил от дерева познания и погубил тем себя и все свое потомство: плоды с дерева жизни для него стали недоступны, его существование стало призрачным, превратилось в тень ... И все-таки – не человек, а Бог сорвал и вкусил плод от запретного дерева. ... И для Бога нет ничего невозможного. Он принял на себя грехи всего человечества, Он стал величайшим, ужаснейшим из грешников: не Петр, а Он отрекся, не Давид, а Он прелюбодействовал, не Павел, а Он преследовал Христа, не Адам, а Он сам сорвал яблоко. Но для Бога нет ничего непосильного. Грех Его не раздавил. Он раздавил грех.

Бог единственный источник всего: перед его волею склоняются и падают ниц все вечные истины и все законы морали. Потому, что Бог хочет, – добро есть добро. Потому, что Он хочет, – истина есть истина. По воле Бога человек поддался соблазну и потерял свободу. По его же воле ... свобода человеку вернется, свобода человеку вернулась: в этом содержание библейского откровения. Но путь к откровению заграждают окаменевшие в своем безразличии истины нашего разума и законы нашей морали. Нам страшна бездушная или равнодушная власть Ничто, но у нас нет сил причаститься возвещенной в Писании свободе. Мы боимся ее еще больше, чем Ничто.»

Edmund Husserl, 1859 - 1938



Бердяев о Шестове

«Почему знание не есть жизнь? Знание есть тоже часть жизни, оно есть событие в бытии»

«Главный философский недостаток Л. Шестова я вижу в том, что он не устанавливает различения в формах и в степенях знания.»

Ницше, “Утренняя заря”

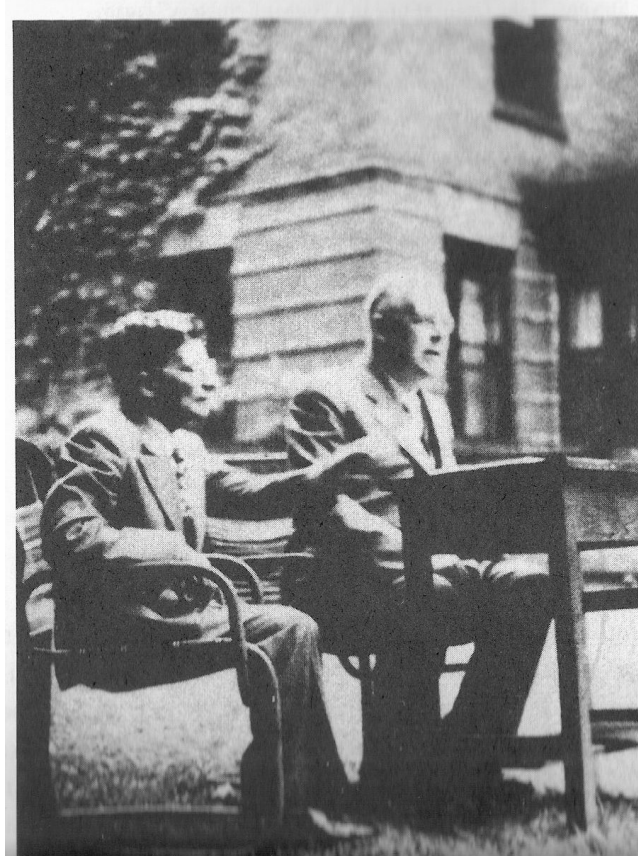
«Может быть, человечество погибнет от своей страсти к познанию – даже такая мысль нас не пугает. Слишком сильно в нас влечение к познанию (unser Trieb zur Erkenntnis), чтобы мы еще могли ценить счастье без познания или счастье сильного устойчивого заблуждения. Даже гибель человечества (Untergang der Menschheit) мы предпочтем ослаблению (Rückgang) познания.»

Нас разделяет что-то важнейшее, что-то такое, что и у Вас, и у меня является выражением некоей основной данности, глубинной особенности мироощущения. Для Вас все сводится к борьбе между „знанием, зовущим к покорности“ и „надеждой, зовущей к восстанию“. Для меня же, чем дальше я иду, тем очевиднее, что под покровом несчастного сознания таится несчастье самого существования, самой экзистенции. Она рушится под своей собственной тяжестью, и только во вторую очередь под грузом познания. Как первородный грех, так, впрочем, и возможность спасения кажутся мне соприродными существованию (*consubstantiels à l'existence*). Все соблазны Змия пропали бы втуне и человек не предпочел бы Древо Познания Древу Жизни, если бы это Древо Жизни не было ранено в самом своем основании...



Jean Wahl et Wallace Stevens

August 1943



Камю, как Мальро, как Сартр, принадлежит к поколению, которое история обрекла на жизнь в атмосфере насильственной смерти. Ни в какую другую эпоху, быть может, мысль о смерти не была таким исключительным образом связана с мыслью о пароксизме произвольной жестокости. ... Дым крематориев заставил замолчать волшебную песнь, которая, от Шатобриана до Барреса, от Вагнера до Томаса Манна, не могла исчерпать свои модуляции. Отныне, в соседстве смерти, пытки заменяют экстаз, а садизм – сладострастие. С другой стороны, понемногу истощается безмерная уверенность в выздоровлении, которую христиане ассоциировали со смертью, бесконечная надежда на обретение родины, перед которой смерть стояла как „крылатый часовой“. Нам остается только голая смерть, в буре холодного насилия. ... Ни культ мертвых, ни религия славы, ни вера в жизнь вечную не идут за ней в этот ад. Таков образ смерти, запечатлевшийся, как водяной знак, на каждой странице Камю.

Призыв

Боже, Ты, кто уже не перестает умирать,
но кто воскреснет,
Боже, больше не Отец,
и больше не Сын,
и больше не Дух,
Боже,
бесконечно покинутый,
бесконечно отмененный,
отбросивший
и свойства, и сущность,
не желающий больше ни Всесилия,
ни Всеведения,
Боже,
более не входящий в наши образы,
не говорящий на нашем языке,
Бог без маски и без лица,

Ты, кто уже не живет в нашем прошлом,
и не начинает нашего будущего,
и не пронизывает наше настоящее,
Ты, которого мы отделили
от нашего Блага, нашей Красоты, нашей Истины,
О Боже, похожий теперь
лишь на абсолютность смерти,
к Твоим ногам я бросаюсь,
Бог отсутствующий,
единственный, к кому можно обратиться с мольбою,
единственно искомый,
единственно обожаемый.

Боже мой,
Ты возвратился к нам в подозрительном свете,
в ложном сумраке,
в сомнительной ясности,
незаметно прокрался в мою тревогу,
я еще не уверена, что это Ты,
и не уверена, что это не Ты,
Ты предлагаешь мне только свое молчание
и свое вероломное присутствие,
я не решаюсь назвать тебя,
Бог, почти незнакомый и все-таки узнанный,
Мой Бог.

23 июля 1943, South Hadley

«Мир выходит ошалевшим из этого долгого неистовства. ... Бог был покинут. Никто не хотел умирать за него. Никто не хотел жить для него. ... Бог молчал во время этой войны. Только Бог войск говорил своим грозным голосом. Бог, который правит народами и не считает души. Бог Библии и Немезида греков. Но Христос не воскрес. Возможно, он был среди своих братьев на этой фабрике смерти. Никто его не видел. Он никого не утешил. ... Я не говорю, что Бог умер; я говорю, что умер его образ, созданный мною. Теперь Он должен снова открыться (c'est à Lui de se révéler de nouveau)».

RACHEL
BESPALOFF
DE L'ILIADE



ALLIA

Wald (лес) - Welt (мир)

Hinterwäldler - Hinterweltler

«Мы упразднили истинный мир — какой же мир остался? Быть может, кажущийся? Но нет! Вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся! (Полдень; мгновение, когда тень так коротка; конец заблуждения, сопровождавшего нас так долго; апогей человечества; INCIPIT ZARATHUSTRA.)»



«Если взять философов-экзистенциалистов, то я вижу, что все они предлагают бегство. Их аргументы довольно своеобразны; обнаружив абсурд среди руин разума, находясь в замкнутой, ограниченной вселенной человека, они обожествляют то, что их сокрушает, находя основание для надежд в том, что лишает всякой надежды. Эта принудительная надежда имеет для них религиозный смысл. ... Обнаружив под конец своих страстных исканий фундаментальную абсурдность всякого существования, он не говорит: “Вот абсурд”, но заявляет: “Вот Бог, к нему следует обратиться, даже если он не соответствует ни одной из наших категорий”.

Во избежание недомолвок русский философ даже добавляет, что этот Бог может быть злобным и ненавистным, непостижимым и противоречивым. Но чем безобразнее его лик, тем сильнее его всемогущество. Величие Бога в его непоследовательности. Его бесчеловечность оказывается доказательством его существования. Необходимо броситься в Бога, и этим скачком избавиться от рациональных иллюзий. Поэтому для Шестова принятие абсурда и сам абсурд единовременны. Констатировать абсурд – значит принять его.»

«В тот миг, когда понятие абсурда становится трамплином в вечность, оно теряет связь с ясностью человеческого ума. Абсурд перестает быть той очевидностью, которую человек констатирует, не соглашаясь с нею. Борьба прекращается. Абсурд интегрирован человеком, и в этом единении утеряна его сущность: противостояние, разрыв, раскол.»

„le courage d'affronter, non *d'accepter*,
l'absence-de-toute-signification”

Hegel:

Die philosophische Betrachtung hat keine andere Absicht als das Zufällige zu entfernen

(zit. nach Odo Marquard, Zukunft braucht Herkunft, S. 146)

Бердяев

«Все, что во времени и пространстве, было для меня лишь символом, знаком иного, иной жизни, движения к трансцендентному».

«Все, что происходит, даже самое бессмысленное, имеет смысл и является знаком происходящего на большой, скрытой от нас глубине.»

Если бы человек мог признать, что и вселенная способна любить его и страдать, он бы смирился. Если бы мышление открыло в изменчивых контурах феноменов вечные отношения, к которым сводились бы сами феномены, а сами отношения резюмировались каким-то единственным принципом, то разум был бы счастлив. В сравнении с таким счастьем миф о блаженстве показался бы жалкой подделкой.

Si l'homme reconnaissait que l'univers lui aussi peut aimer et souffrir, il serait réconcilié. Si la pensée découvrait dans les miroirs changeants des phénomènes, des relations éternelles qui les puissent résumer et se résumer elles-mêmes en un principe unique, on pourrait parler d'un bonheur de l'esprit dont le mythe des bienheureux ne serait qu'une ridicule contrefaçon.

Камю

«Дистанция между абстрактным богом Гуссерля и богом-громовержцем Кьеркегора не столь уж велика. И разум, и иррациональное ведут к той же проповеди. Не так уж важно, какой путь избран: было бы желание дойти до цели, это главное.»

Du dieu abstrait d'Husserl au dieu fulgurant de Kierkegaard, la distance n'est pas si grande. La raison et l'irrationnel mènent à la même prédication. C'est qu'en vérité le chemin importe peu, la volonté d'arriver suffit à tout. Le philosophe abstrait et le philosophe religieux partent du même désarroi et se soutiennent dans la même angoisse. Mais l'essentiel est d'expliquer.

Толстой, “Исповедь”

«Можно жить только, пока пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что всё это – только обман, и глупый обман!»

«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями, – второстепенно (букв.: приходит во вторую очередь). Все это игры; прежде нужно ответить.»

Il n'y a qu'un problème philosophique vraiment sérieux : c'est le suicide. Juger que la vie vaut ou ne vaut pas la peine d'être vécue, c'est répondre à la question fondamentale de la philosophie. Le reste, si le monde a trois dimensions, si l'esprit a neuf ou douze catégories, vient ensuite. Ce sont des jeux ; il faut d'abord répondre.

«Надежда на жизнь иную, которую требуется „заслужить“, либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наделяющей ее смыслом и предающей ее.»

...зная об абсурдности судьбы, можно жить ею только в том случае, если абсурд все время перед глазами, очевиден для **сознания**. ... Упразднить **сознательный** бунт значит обойти проблему. Тема перманентной революции переносится, таким образом, в индивидуальный опыт. Жить - значит пробуждать к жизни абсурд. Пробуждать его к жизни - значит не отрывать от него взора. Бунт есть постоянная данность человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды.

C'est pendant ce retour, cette pause, que Sisyphe m'intéresse. Un visage qui peine si près des pierres est déjà pierre lui-même ! Je vois cet homme redescendre d'un pas lourd mais égal vers le tourment dont il ne connaîtra pas la fin. Cette heure qui est comme une respiration et qui revient aussi sûrement que son malheur, cette heure est celle de la **conscience**. À chacun de ces instants, où il quitte les sommets et s'enfonce peu à peu vers les tanières des dieux, il est supérieur à son destin. Il est plus fort que son rocher.

„Сизиф интересует меня во время этого возвращения, этой паузы. Его изможденное лицо едва отличимо от камня! Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. Это время – время подобное самому дыханию, время, которое наступает столь же неотвратимо, как его бедствия, – есть время **сознания**. В каждое из этих мгновений, когда он покидает вершину и понемногу спускается в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня.“

«Этот миф трагичен, поскольку его герой наделен **сознанием**. О какой каре могла бы идти речь, если бы на каждом шагу его поддерживала надежда на успех? Сегодняшний рабочий живет так всю свою жизнь, и его судьба не менее трагична. Но сам он трагичен лишь в те редкие мгновения, когда к нему возвращается **сознание**. Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, **знает** о бесконечности своего печального удела; о нем он думает во время спуска. **Ясность** видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение.»

Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, — человек всё равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознаёт, что расстаётся с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознаёт. Итак, всё наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы — ничто.

Настоящее - таков идеал абсурдного человека:
последовательное прохождение моментов настоящего
перед взором неустанно сознательной души (devant une
âme sans cesse consciente)

Maurice Blanchot

C'est que lui-même n'est pas fidèle à sa règle, c'est qu'à la longue il fait de l'absurde non pas ce qui dérange et brise tout, mais ce qui est susceptible d'arrangement et ce qui même arrange tout. Dans son ouvrage, l'absurde devient un dénouement, il est une solution, une sorte de salut.

Камю превращает абсурд из того (принципа), который нарушает и разрушает все, в такой (принцип), с которым можно договориться, при котором можно в жизни устроиться и который даже сам все устраивает. Абсурд становится решением, выходом, своего рода спасением.



Jean Grenier, 1898 - 1971



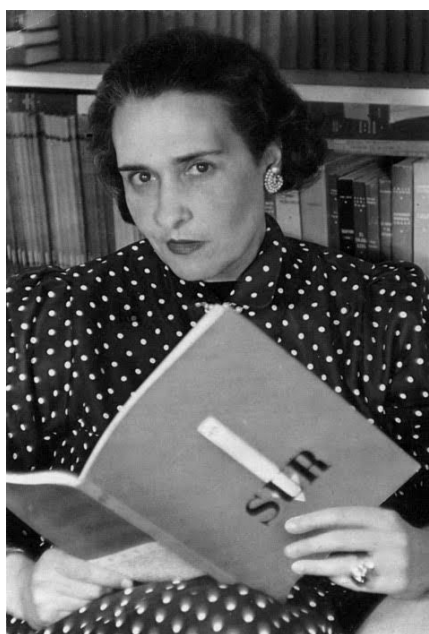
Если существуют эти серьезные вещи – разум, дух и „метафизическое достоинство“ – тогда притязания, требования и жалобы индивида становятся просто „болтовней“, которая должна *заткнуться* пред лицом этих *серьезных вещей*. Невозможно утверждать абсурд с согласия универсального разума; нужно обойтись без этого согласия; пробить брешь в „серьезном“. Вот почему, для Кьеркегора и Шестова, абсурд не по эту, а по ту сторону Разума...

Un Dieu (j'entends, un véritable!) c'est le contraire de la rationalité absolue; il n'a rien d'apaisant; il ne peut donner nulle satisfaction à l'Esprit!

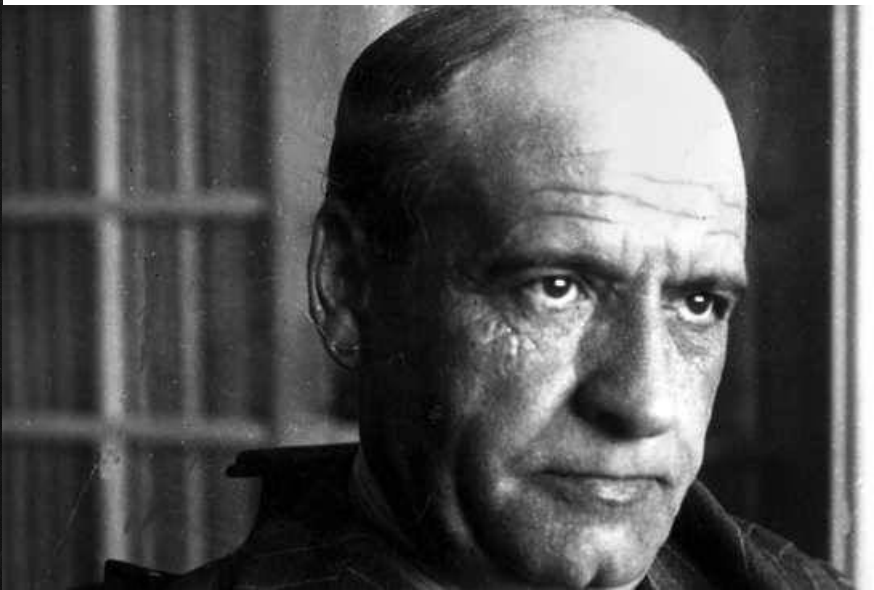
«Бог (я хочу сказать: истинный Бог!) это противоположность абсолютной рациональности; в нем нет ничего умиротворяющего; он не может дать никакого удовлетворения Духу!»



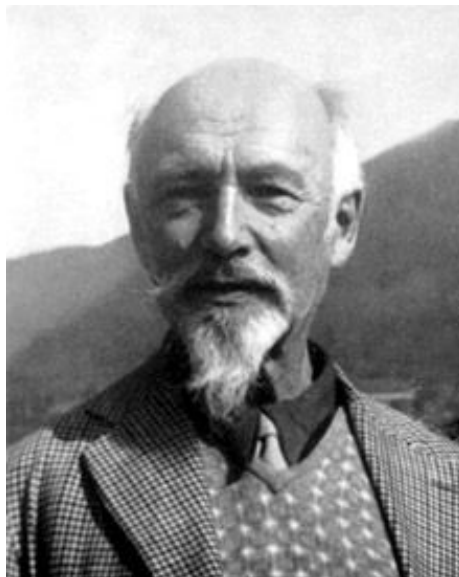
Victoria Ocampo, 1890 - 1979



Jose Ortega y Gasset, 1883 - 1955



Hermann Graf Keyserling, 1880 - 1946



Raissa (1883 - 1960) et Jacques (1882 - 1973) Maritain





„Чем больше я Вас читаю, тем сильнее трогают меня дружба и симпатия, которыми Вы меня удостаиваете, – и тем более изумляют меня мои собственные чувства к Вам, – так, на первый взгляд, безмерна дистанция, нас разделяющая. И тем не менее, хотя Ваша мысль меня раздражает (а моя вызывает у Вас ярость), я Вас читаю страстно, с желанием быть убежденным Вами, до такой степени Ваша вера, мощь и честность Вашей мысли глубоки, чисты и несомненны. Если я не могу следовать за Вами и вынужден считать Вас своим противником, то это происходит словно вопреки мне самому...»

Geneviève Fondane, 1950



Бывают дни, когда мне нужно делать усилие, чтобы еще надеяться. Мне кажется, что Бог скрывается, что гаснет свет, который поддерживал меня, даже давал мне немного радости, вопреки моим страхам. Я себя чувствую тяжелой, неуклюжей, вялой (lourde, pesante, inerte). ... Акт абсолютный веры, который Вы мне рекомендуете, могу ли я еще совершить его? Я не знаю, я больше ничего не знаю. Боже мой! Я могу только кричать из глубины моей бездны. Я знаю, что Бог меня слышит, но я не слышу Его ответа, я знаю, что его благодать окружает меня и тянет меня к себе (me sollicite), но я чувствую только собственную тяжесть и невозможность броситься навстречу Ему.

„С одной стороны, нечеловеческое страдание, отвратительные грубые образы, которые со всех сторон осаждают меня; а с другой стороны, вся моя вера, влекущая к убеждению, к уверенности в бесконечной и поглощающей Божьей любви, затопляющей моего мужа и его сестру, окутывающей их, проникающей в них, сливаясь с ними, даже если они этого не знают. Пароксизм страдания, падение в бездну; но это же и падение в бесконечную Божью любовь“.

«Только одно можно сказать с уверенностью. Еще сильнее, чем Вас самих, Бог любит тех двух мучеников, которые Вам так дороги, и тем, что Он сделал в Вашей душе, Он хотел показать Вам, что переполнил их души благодатью еще сильнейшей. ... Если Ваш муж вернется к Вам, у Вас будет одна и та же духовная родина. А если он не вернется к Вам на этой земле, то сейчас счастливее Вас, и он незримо будет ближе к Вам, чем когда-либо раньше...»

„Я иногда страдаю здесь (в атмосфере такого милосердия и любви, однако!) от того, что потеряла контакт с неким человеческим теплом (une certaine chaleur humaine), теплом, иногда тошнотворным (nauséabonde), излучаемым бедной изнурительной жизнью людей, которые вынуждены справляться с работой, несправедливостью, пороком, неразрешимыми несчастьями, до такой степени смешанными с грязью, что нужно долго скрести их, чтобы увидеть, что Бог присутствует и здесь, и даже здесь, возможно, более, чем где-нибудь. Я не уверена, что создана для долгой жизни на плавучем острове. Это абсурдно, но мне не хватает неверующих. Это абсурдно, но я испытываю больше сострадания, даже понимания, по отношению к неверующему, со всеми его пороками, но также с той крошечной божественной искоркой, которая, быть может, в нем сохраняется, чем по отношению к душам, совсем близким к Богу“.

„Я слишком пронизана мыслью моего мужа, чтобы не видеть в разуме убогое орудие, недостаточное, ограниченное, подверженное ошибкам, но все это, в первую очередь, в сравнении с безмерностью истин, к которым нужно приблизиться. Для меня достаточно было бы унижить разум пред Богом. Но мне неловко (*il me gêne*) унижать его перед инстинктом, бессознательным, интуицией, противопоставляемым разуму как более надежные способы пробиться к реальности. Каков бы он ни был (разум), это все же отсвет некоего инструмента понимания, который был чудесно сияющим, покуда грех не затемнил его. Правда, что мой муж, в конечном итоге, говорит лишь об одном модусе познания, о „мысли веры“, *la pensée de la foi*, веры в Бога, для которого все возможно, и что он, видимо, именно этому Богу жертвует разумом, но какой ценой...“

„Верьте, что, каковы бы ни были трудности, Вы в конце концов преодолаете противоречия, не только кажущиеся, но и реальные, и обретете то место, где если и не систематические формулировки, то, по крайней мере, духовная субстанция и существенные интуиции Вашего мужа будут спасены в гармонии интегральной католической истины. Эта самая жизненная работа (*le travail le plus vital*), которую Вы должны проделать за него. И это важнейшая часть вашего призвания“



La Solitude

Communauté contemplative

Notre Dame de Sion



© Notre Dame de Sion



